

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

На вопросы главного редактора журнала «ЗАКОН»
Яна Пискунова отвечает
министр юстиции Российской Федерации
Александр Владимирович КОНОВАЛОВ

СЕГОДНЯ ЛЮДИ ЖИВУТ С ТЯГОСТНЫМ ЧУВСТВОМ, ЧТО ПРАВО СИЛЬНОГО ПРЕОБЛАДАЕТ НАД ПРАВОМ СЛАБОГО

Родился 9 июня 1968 г. в Ленинграде. После службы в Вооруженных силах СССР (с 1986 по 1988 г.) и окончания Санкт-Петербургского государственного университета в 1992 г. поступил на работу в органы прокуратуры на должность помощника прокурора Выборгского района г. Санкт-Петербурга. С октября 1992 по февраль 2005 г. замещал должности следователя прокуратуры Выборгского района г. Санкт-Петербурга, прокурора отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности прокуратуры г. Санкт-Петербурга, заместителя прокурора Московского района г. Санкт-Петербурга, прокурора Московского района г. Санкт-Петербурга, заместителя, первого заместителя прокурора г. Санкт-Петербурга, прокурора Республики Башкортостан. С ноября 2005 по май 2008 г. А.В. Коновалов — Полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе. Указом Президента РФ от 12.05.2008 № 736 назначен на должность министра юстиции Российской Федерации. А.В. Коновалов — действительный государственный советник юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук. Награжден государственными наградами, в том числе орденом Почета.

— Тема декабрьского номера «ЗАКОНа» — «Что общество ждет от юристов?». Российское общество еще чего-то ждет от юристов?

— Я думаю, что ждет, но скорее подсознательно, ведь не секрет, что у нас жить по закону не очень привыкли. Вообще у нас всегда в большей или в меньшей степени была востребована идея автономного существования общества по отношению к государству и к закону. Мне кажется особенно печальной отчужденность от закона.

В странах западной демократии, где сложились наиболее известные и уважаемые правовые системы, общество может критиковать или даже ненавидеть правительство и добиваться его отставки, но совершенно иначе ведет себя по отношению к закону. Его уважают и исполняют. Почему? Потому что люди привыкли считать себя вовлеченными в процесс применения закона и это кажется им выгодным.

У нас же испокон веков и до сих пор основная масса населения не считает выgodным жить по закону. И к сожалению, во многом это так и есть. Нарушения закона, в том числе систематические, не всегда, не во всех 100% случаев караются. И не считается позорным жить вразрез с законом. Наоборот, у нас скорее человека похвалят: «Молодец, в очередной раз обманул государство!»

Еще хуже другое. В советские времена люди, может быть, не очень любили государство и не были особенно законопослушными, но при этом имели какое-то — опять-таки подсознательное — ощущение справедливости или чести по отношению к другим людям. Они берегли интересы других, были более вежливыми, более деликатными по отношению друг к другу. Сейчас этого нет, сейчас подняться за счет другого — чуть ли не признак доблести, а никак не порицаемое поведение.

Но мне кажется, сегодня люди живут с тягостным чувством, что право сильного преобладает над правом слабого. Поэтому, конечно, если большинству нормальных людей предложить жить в правовом обществе, они согласились бы с радостью.

Другое дело, что само состояние законодательства и, самое главное, его применение должны для этого серьезно меняться в лучшую сторону, и так, чтобы люди чувствовали себя в этом процессе инсайдерами, а не думали, что закон — это некая угроза, которую нужно обходить всеми правдами и неправдами.

Я думаю, что вот этого интуитивно ждут от нас люди, и наша задача состоит в том, чтобы максимально приблизиться к этому формату.

— Вы говорите: «Если людям предложить жить в правовом обществе». А кто им это может предложить? Кто должен взять на себя такую функцию? Такие изменения должны происходить снизу, исходя из потребностей и чаяний большинства людей, или кто-то талантливый и умный придет и расскажет, как надо жить?

— Я думаю, что, как обычно, истина где-то посередине.

С одной стороны, наше общество достаточно стихийно и пассивно. Сейчас мы видим всплески инициативы, но они тоже несвободны от откровенной обструк-

ции по отношению к закону и власти и от некоторых форм истерии. Не всегда хватает здравого смысла и каких-то системных действий.

С другой стороны, и абсолютно пассивная, патерлистская роль гражданского общества — тоже совершенно неадекватное явление. Я читал отклики на Послание Президента в блогах. Конечно, блогосфера — довольно своеобразное явление, но основная мысль большинства выступлений такова: «А когда вы нам сделаете то, когда вы нам дадите это?» Мне кажется, это немного неправильная ситуация.

Ответ на ваш вопрос будет более-менее тривиальным: это улица с двусторонним движением. С какой стороны движение должно начаться? — Я думаю, наверное, все-таки со стороны власти. Должны быть ужесточены и прагматизированы применение закона, его толкование, исполнение судебных решений, оптимизированы судебная и правоохранительная системы. Все это должно послать обществу сообщение: «Давайте жить по закону!» Ответом должно стать соответствующее отношение со стороны людей. Давайте не будем давать взяток, не будем нарушать интересы и права других, не будем нарушать закон на каждом шагу. Давайте думать о том, что есть определенный порядок, который нужно соблюдать, давайте, наконец, в себе воспитаем культуру обращаться к юристу за консультацией, прежде чем вступать в серьезные и при этом весьма сомнительные сделки.

Мне почему-то кажется, что это не так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. В истории страны были периоды законопослушного поведения людей и востребованности закона, высокой правовой культуры населения и политических кругов, чиновничества.

|| Поэтому я думаю, что если импульс со стороны государства будет серьезным, а именно об этом сейчас говорит Президент Д.А. Медведев, то и реакция со стороны общества может быть правильной и долгосрочной. Тогда не потребуется уже роли личности в истории.

— То есть основной функцией и задачей государства на сегодняшний день является стимулирование активности гражданского общества и помочь в реализации его инициатив? И только во-вторых — конкретные проекты сверху?

— Я думаю, что в первую очередь от государства зависит бесперебойное, безупречное функционирование институтов, по деятельности которых общество судит о государстве. Многим может показаться достаточно далекой от граждан деятельность Государственной Думы, Министерства юстиции, Государственно-правового управления Администрации Президента, но по тому, как себя ведет участковый милиционер или инспектор ДПС, налоговый инспектор, судебный пристав или секретарь судебного заседания, люди судят о правопорядке и о правовой системе.

— Что для этого нужно на сегодняшний день?

||| — Думаю, что не хватает системности и жесткой ответственности за неэффективное исполнение своих обязанностей.

И наверное, нужны какие-то более унифицированные подходы к применению закона. У нас, к сожалению, пока что очень много разнобоя в практике — и в судебной, и в административной. То есть складывается несколько мозаичная картина, которая не дает единого представления о том, как должен работать закон.

— Когда Вы сами видите те или иные серьезные системные проблемы, когда что-то не получается, Вы никогда не жалеете о том, что выбрали карьеру юриста?

— Да нет. Я думаю, что в любой профессии бывают взлеты и падения. Я не жалею, я думаю, что наша работа идет на пользу, она так или иначе вносит порядок и прагматичный, здравый элемент в общество.

||| То, что мы еще так далеки от идеала, удручет, но, с другой стороны, это амбициозный вызов, на который каждый может ответить своими собственными усилиями.

Важным инструментом в работе, я думаю, может быть мониторинг правоприменения и вовлечение в него — то, над чем бьется последние год-полтора Минюст — максимально широкого круга специалистов. Можно использовать электронные площадки.

— Системы, о которых Вы говорите, — Министерство юстиции, судебная система, государственный аппарат — это в первую очередь люди. Как их мо-

тивировать к качественной, честной, достойной, порядочной и при этом эффективной работе? Что нужно сделать, чтобы люди меняли отношение к работе и своим должностным обязанностям?

— Официальные доходы юриста, достигшего определенных высот, востребованного, популярного, имеющего хорошую практику, на госслужбе в любом случае будут несопоставимо ниже его заработка в коммерции. Про неофициальные доходы разговор особый, здесь как раз нужно всячески отсекать эту мотивацию, потому что не секрет, что за последние годы поток желающих поступить на государственную службу довольно серьезно возрос, и в том числе в связи — и люди этого почти не скрывают — с ожиданием, что удастся реализовать какие-то коррупционные схемы. К этому люди, к сожалению, успели привыкнуть.

Что касается стимулов на госслужбе, то, на мой взгляд, их несколько. На начальной стадии карьеры это опыт работы в жестком, отложенном механизме, который позволит приобрести некий минимальный набор деловых качеств. Второе — это пускай не очень высокий, но стабильный доход. В-третьих — и я в этом ничего плохого не вижу, — это приобретение деловых связей и формирование деловой репутации, которые, кстати, многие затем используют.

К нам сейчас приходят молодые специалисты, особо не скрывая, что они к нам на три-четыре года, чтобы разобраться, кто есть кто в юридическом мире, войти в определенную сферу общения, приобрести деловую репутацию, а потом уйти в бизнес или в другие структуры. В общем, я не вижу тут ничего плохого, если люди работают честно и прозрачно.

— Наверное, это как раз самый честный и прозрачный подход.

— Да. Наконец, четвертый стимул, который, как мне кажется, хотя бы для какой-то части государственных служащих может иметь определенное значение, это ощущение причастности к глобальным процессам в стране, которые ты своим трудом можешь продвинуть или затормозить.

Когда я начинал работать в прокуратуре, мои амбиции были довольно невысокими, а труд был достаточно приземленным: я начинал работать в следствии. Но

тем не менее у меня было ощущение того, что я делаю важное государственное дело. Я выполняю роль пускай и некоего ассенизатора, но хотя бы не даю людям полностью захлебнуться в крови друг друга. Я думаю, что и сегодня для многих это тоже может стать мотивом.

А если говорить о нашем министерстве, то мы участвуем в довольно серьезной законопроектной работе, в другой деятельности по формированию правовой системы государства. Все это может вызывать у людей интерес и определенные здоровые амбиции.

Есть еще одна мотивация, востребованная во многих развитых правовых системах, но которая работает только при достаточно высоких стандартах деловой и профессиональной этики. Я имею в виду перетекание специалистов из частной сферы в государственную и наоборот. Классический пример — это то, как американские адвокаты участвуют в процессах. Сегодня он выступает на стороне государства в офисе генерального атторнея, поддерживает государственное обвинение, а завтра он уже защитник подсудимого. И в этом никто не видит ничего страшного. Но при этом существует безупречная деловая этика: люди обмениваются информацией, впечатлениями, мнениями, но есть определенная грань, за которую они никогда не переходят, потому что знают, что иначе у них будет крайне мало шансов впоследствии оказаться на другой стороне и там продолжить свою карьеру. Соответственно, «кредитная история» каждого специалиста на обеих сторонах этой условной баррикады — и на государственной службе, и в частной практике — имеет значение. Человек развивается, сохраняя свой единый, общий статус и свое единое деловое реноме как юриста. Если он это реноме никогда и нигде не поставил под сомнение, то очень высоки шансы, что он будет востребован в обеих структурах и что раз за разом ему будут делать все более выгодные и амбициозные предложения.

У нас такая система еще не развита, хотя есть определенные примеры, когда в прошлом высокопоставленные чиновники успешно работают в бизнесе и для них еще не закрыт путь обратно. И таких людей становится все больше. Но для этого, повторюсь, должны быть очень высокие деловые стандарты и желание следовать им в обеих этих сферах. Такая карьера — это хороший, а может быть, даже единственный вариант

полноценного привлечения людей на государственную службу, потому что как бы мы ни повышали заработную плату, никогда она не угонится за возможностями бизнеса.

— К вопросу о мотивации: профессия юриста — это ремесло, торговля, зарабатывание денег или какая-то особая социальная функция?

— Всё вместе — это и искусство, и ремесло, и источник дохода, и часть культуры нации, государства. Другой вопрос, до какой степени простираются амбиции юриста. Хочет ли он оставаться ремесленником, подчас халтурщиком и его это устраивает, или, может быть, он хочет стать художником своего дела и добиться настоящих высот. Кстати, ни тому, ни другому не помешает использование профессии для обеспечения себя и своих близких, и в этом нет ничего дурного, если это делается честно и прозрачно.

Другая грань — стремление стать неким провокатором, использовать знания во вред людям для своего собственного блага. К сожалению, юридический нигилизм среди юристов — это достояние нашего сегодняшнего дня и одно из самых опасных проявлений этого нигилизма.

— В этой связи совершенно конкретный, практический вопрос. Насколько, на Ваш взгляд, правильно, что на сегодняшний день Закон «Об адвокатуре» адвокатскую деятельность определяет как некоммерческую?

— Сложный вопрос. Наверное, когда законодатель устанавливал специальный статус адвоката, он добивался соблюдения стандартов юридической помощи, невовлеченности адвокатов в конкретные коммерческие схемы или интересы тех или иных лиц или организаций. Но я боюсь, что эти цели сегодня не достигаются.

Мы работаем над тем, чтобы предложить адвокатскому сообществу разработать более высокие стандарты юридической помощи в стране. Один из моментов — это приснопамятная адвокатская монополия. Я в принципе скорее ее сторонник, чем противник. Я совершенно точно за то, чтобы устраниТЬ существующий сегодня дуализм в профессии юридических советников, если так условно можно их назвать, — я имею

в виду и адвокатов, и бизнес-консалтеров, *inhouse*-юристов.

Упреки адвокатского сообщества в адрес бизнес-консалтинга в том, что люди, которые не имеют статуса адвокатов, вообще, может быть, юридически неграмотны, несерьезны, потому что как раз в бизнес-консалтинге сегодня сосредоточены наиболее квалифицированные юристы, а в денежном выражении они оккупируют 90% рынка юридических услуг в стране. А вот то, что это среда абсолютно нам неведомая и не-подконтрольная, что она, по сути, никак не регулируется, я считаю неадекватной ситуацией. И то, что этот рынок сегодня во многом занят американскими юридическими фирмами, в которых работают российские юристы, мне тоже кажется неправильным.

Это не означает, что мы разрабатываем какие-то злодейские планы по поводу изгнания всех американских фирм с юридического рынка России, совсем нет. Но больше отстаивать интересы российских юристов — это, я думаю, совершенно нормальное проявление юридической политики страны.

Поэтому мне кажется гораздо более актуальным не определить статус адвокатов как обычных агентов или индивидуальных предпринимателей, а выстроить единую корпорацию юристов разных специализаций и внедрить адекватные стандарты и гарантии качества оказываемых ими услуг.

Один из вариантов, которые мы сейчас обсуждаем, — периодическая переаттестация юристов, практикующих в той или иной отрасли. Например, я декларирую, что я специалист в области налогового права. Раз в пять лет я сдаю экзамен, перед каждым из них я обобщаю свою «кредитную историю» — сколько провел процессов, сколько дал консультаций, сколько на меня поступило жалоб. Все это является необходимым бэкграундом для того, чтобы пройти аккредитацию и снова получить доступ к практике. Попутно можно получить лицензию в другой области права.

Если ввести подобную систему, люди смогут больше доверять квалификации юристов, а не их красивым словам.

— Насколько Вы при разработке подобных предложений принимаете в расчет экономическую со-

ставляющую? Некоммерческий статус адвоката ведет к соответствующему режиму налогообложения и, по сути, ставит в совершенно разные конкурентные условия те же иностранные юридические фирмы, которые по понятным причинам не могут работать как некоммерческие объединения, и российских адвокатов.

— Так сложилось, что юристы, имеющие статус адвокатов, у нас в стране в основном работают по уголовным делам. Это в том числе связано с тем, что не-адвокаты участвовать в уголовном процессе сегодня не могут, и, наверное, это правильно. Совершенно понятно, что там уровень доходов принципиально иной. Поэтому эта ситуация нас пока беспокоит в меньшей степени.

Другое дело, что мы будем учитывать соответствие количества адвокатов и их профессиональных возможностей набору услуг, который они в состоянии оказывать. Я хотел бы сразу убрать за скобки услуги по передаче колбасы, писем и мобильных телефонов в тюрьму, что сегодня процветает. Мы будем учитывать именно юридические услуги, чтобы их объем реально соответствовал потребностям рынка. Рынок должен обусловливать и количество адвокатов, и их специализацию, и гарантии качества услуг, которые они оказывают.

|| Я думаю, что нужно создать правильные рамки, условия и возможности для работы адвокатов на рынке, а дальше рынок определит сам, сколько адвокатов, какого профиля, с какими минимальными гарантиями качества услуг не-обходимо.

— Доступ к юридической профессии в принципе — к адвокатуре, предоставлению интересов клиентов, к позициям внутренних юристов компаний — должен ограничиваться обязательным наличием высшего образования либо сдачей какого-то экзамена, как, например, в США? Или мы говорим только об адвокатах и о клиентской работе, а возможность занимать позицию внутреннего юриста не должна никак ограничиваться?

— Я честно, положа руку на сердце, скажу, что положение дел в бизнес-консалтинге и среди *inhouse*-юристов меня как чиновника сегодня беспокоит в

меньшей степени. Бизнес связан с коммерческим риском, и квалификация юриста — это коммерческий риск предпринимателя, его нанимающего.

Что же касается участия в судах, здесь я сторонник того, чтобы эта деятельность подчинялась определенным правилам. Безусловно, должно быть профильное образование, адвокатский статус и какая-то аккредитация. Я скажу даже больше: в высшие суды доступ должны получать только юристы самой высокой квалификации, как это опять-таки имеет место в некоторых правовых системах за границей.

Как чиновника, ответственного, в частности, за практику юристов на государственной службе, в том числе судейского корпуса, адвокатов и нотариусов, меня беспокоит качество подготовки людей, которые рекрутируются в эти сферы. Мы сегодня ведем речь о том, как повысить стандарты их профессиональной подготовки. Доступ в эти сферы должен быть организован на качественно новом уровне, а система бакалавриата и магистратуры сбалансирована таким образом, чтобы люди получали гораздо более широкий набор деловых качеств и умений. Нужны периодическая переаттестация, повышение квалификации и некий сводный экзамен для вступления в должность.

— Александр Владимирович, Вы неоднократно заявляли, что являетесь противником системы, при которой судьями в большинстве своем становятся бывшие помощники, и этот вопрос вызвал заочную дискуссию в судейском сообществе. Основные аргументы коллег сводятся к тому, что, во-первых, иначе невозможно мотивировать сотрудников аппарата и помощников, а во-вторых, сложно создать другой фильтр для отбора людей, имеющих опыт. А это с учетом постоянно возрастающей нагрузки может привести к тому, что судебная система перестанетправляться с тем массивом дел, который есть. Что бы Вы ответили на это?

— Я бы сказал, во-первых, что есть примеры, когда новые судьи рекрутируются тоже из только одной, но принципиально иной среды — из адвокатского сообщества. Это в Великобритании. Я недавно там был в рамках Недели российского права, в том числе посетил Хэмптон-Корт.

Это было давней моей мечтой — я побывал в судебном процессе в апелляционном суде. Я не старался вникать в детали дела, но меня поразила сама атмосфера суда и качество дискуссии, которая там происходит. Судья, сам бывший барристер, с барристерами в процессе общается на одном языке. С одной стороны, соблюдается статус сторон и этика, т.е. судья, безусловно, на пьедестале и не стесняется корректировать ход дискуссии, когда считает это нужным, но при этом улавливает все, что говорят его коллеги по прошлой профессии.

Я думаю, что это опыт, к которому как минимум стоит присмотреться. И когда говорят, что нужно открыть доступ в судьи представителям частных профессий — адвокатам и нотариусам, я с этим согласен. Другое дело, что должны быть созданы механизмы отбора лучших в этой профессии и мотивационные механизмы. Человек должен знать, что если он изберет такой путь и честно отмолотит лет 10—15—20—25 на адвокатском поприще, то его шанс попасть в судью будет довольно высок.

Я не сторонник того, чтобы полностью разрушить сегодняшнюю систему и закрыть доступ в судьи секретарям судебных заседаний, помощникам или государственным обвинителям. Это в большинстве случаев вполне конкурентоспособные и честные специалисты, которые будут выполнять свои обязанности должным образом.

Но закрытость и узкие, однотипные каналы притока в профессию новых людей всегда во вред корпорации. Поэтому я считаю, что в формировании пула кандидатов в судьи должны участвовать представители разных юридических профессий: и прокуроры, и судейские, и технические работники, и адвокаты, и нотариусы, и бизнес-консалтеры, и *inhouse*-юристы.

Для этого нужно установить хорошую, грамотную и прозрачную систему рейтингования юристов, чтобы мы знали о лучших — кто они, где работают, хотят ли они стать судьями, и готовить их к этой карьере, может быть, заблаговременно.

Есть опыт некоторых правовых систем — той же Болгарии или Франции, — где судей как неких гомункулов пытаются слепить чуть ли не со студенческой скамьи:

запускают специальные образовательные программы, год-два-три — стажировка, и вот двадцатипятилетний чудо-юрист готов вершить чужие судьбы. Я думаю, что это не совсем адекватный путь. Так, может быть, можно решить какие-то горящие проблемы, но вводить это системно категорически нельзя. Должность судьи с учетом ее значимости должна быть вершиной карьеры юриста.

— Александр Владимирович, сейчас очень интересная и острые дискуссия разгорается вокруг значения решений Европейского суда по правам человека и их места в российской правовой системе. Есть точка зрения о том, что такого места нет и быть не должно. Ваша позиция.

— Позиция дипломированного юриста может быть только одной: пока мы являемся членами Совета Европы, любые дискуссии на тему «Есть ли место у решений ЕСПЧ в нашей правовой системе» совершенно некорректны. Мы обязаны принимать во внимание решения Европейского суда и исполнять их. Другое дело, насколько важны они должны для нас быть.

Плохо, когда решения ЕСПЧ, как сегодня, выступают в качестве неких маяков правосудия, когда мы вынуждены учитывать пилотные решения ЕСПЧ в отношении российской правовой системы, исправлять свое законодательство и свою судебную практику под его стандарты. Это для такой великой страны, как Россия, ситуация совершенно неприемлемая.

Поэтому я часто говорю, что мы должны стандарты своего правосудия приблизить к европейским и мировым, с тем чтобы, во-первых, в мире доверяли нашему правосудию как минимум в той же степени, что и ЕСПЧ, а во-вторых, чтобы сам Европейский суд имел возможность доверять нашей юрисдикции. Это тоже важно, ведь в ЕСПЧ такие же чиновники, они тоже не хотят быть перегруженными работой, и, если у них есть возможность переложить бремя на национальные юрисдикции, они этим никогда не пренебрегают.

Кстати, мы считаемся абсолютным лидером по количеству жалоб в ЕСПЧ, и в абсолютных цифрах это действительно так. Но если посчитать на 100 тыс. человек, то мы уже на почетном девятнадцатом месте. А если учесть, что около 90% от общего объема жа-

лоб, поступающих в Европейский суд, в конечном счете признаются неприемлемыми, то получается совсем другая картина. Поэтому не совсем верно абсолютизировать роль ЕСПЧ в нашей практике.

Но есть, конечно, и конкретные проблемы правоприменения, которые практика ЕСПЧ выявляет, и на сегодняшний момент — я подчеркиваю: на сегодняшний момент — мы обязаны рассматривать практику ЕСПЧ как один из важнейших источников экспертной информации о состоянии правоприменения в России. Поэтому, кстати, в той концепции мониторинга правоприменения, которую Минюст формирует последние год-полтора, практика ЕСПЧ занимает особое место. Но в дальнейшем, я считаю, решения ЕСПЧ должны носить по отношению к нашей системе правосудия какой-то косметический характер, как сегодня дело обстоит в Германии, Голландии, Великобритании и т.д.

— Как Вы думаете, может ли быть одним из последствий возможного ограничения роли решений ЕСПЧ увеличение количества решений иностранных судов в отношении российских дел? К сожалению, какое-то время назад уже были ситуации, в первую очередь в Великобритании, когда иностранные суды принимали к своему рассмотрению споры либо связанные с какой-то ситуацией внутри России, либо между российскими сторонами, со ссылкой на невозможность добиться защиты своих прав в рамках российской судебной системы.

— Сегодня в иностранных правовых системах все больше наблюдается тенденция к экстерриториальности практики. Мы это видим по практике международных арбитражных судов и даже национальных судов в таких странах, как Испания, Великобритания, США, причем как в уголовных, так и в гражданских, коммерческих делах. Я думаю, что эта практика в самом ближайшем будущем окажется серьезной проблемой, потому что экстерриториальность в одностороннем порядке неизбежно будет сталкиваться с национальными юрисдикциями, национальным суверенитетом других стран. И если в странах, где не очень стабильная политическая ситуация, где переворот за переворотом, на это не будут особо обращать внимание, то в странах с более-менее стабильным положением и со своими собственными традициями юриспруденции и судебной деятельности это, конечно, не может не вызвать беспокойство.

Я думаю, что здесь выход только один: учреждение новых конвенционных механизмов не позднее чем в ближайшие семь — десять лет. Иначе мы просто пропадем в этих контроверсиях национальных юрисдикций, которые претендуют на экстерриториальность, но при этом не смогут ее реализовать либо будут реализовывать полубандитскими методами, как происходило, к примеру, в отношении наших граждан, которых хватали в Либерии, заталкивали в самолет и куда-то везли.

— Как Вы считаете, необходима ли дальнейшая декриминализация экономических преступлений и если да, то по каким составам?

— Я не берусь сказать сейчас точно, по каким составам, потому что это довольно серьезное заявление, которое должны делать эксперты, и не хочу опережать результаты работы специальной группы, которая по поручению Президента Д.А. Медведева была создана при Государственно-правовом управлении.

||| Но я хотел бы отметить, что либерализация — хотя я это призываю называть *прагматизацией* — уголовного законодательства и уголовно-судебной практики в России отнюдь не заканчивается на тех предложениях, которые Минюст направил в адрес Президента России и которые он поддержал и вчера в виде законо-проекта внес в Государственную Думу. Говорю об этом потому, что уже слышу отзывы: «Там нет того, нет сего, ожидания не оправдались». Это не завершение работы, и рабочая группа сегодня работает как раз над изучением перспектив декриминализации экономических составов.

В последние годы, как мне кажется, формирование уголовного законодательства, особенно в части экономического, административного правоприменения носило несколько спонтанный характер, и в том числе из-за такого распространенного в последние годы подхода, свойственного отечественной бюрократии: «Давайте установим уголовную или административную ответственность, и проблема будет решена». На самом деле это абсолютная утопия. Если посмотреть на составы преступлений, которые появились в последние годы в сфере экономики, таможенного дела, антимонопольного, налогового законодательства, то многие нормы — просто мертворожденные.

И если мы честно попытаемся ответить на вопрос, изменили ли они в лучшую сторону негативную тенденцию, то должны будем признать, что нет, не изменили. Ситуация развивается по-прежнему сама по себе.

Поэтому надо сместить акценты. При этом я, кстати, не вижу большой беды в том, что какая-то часть деликтов осталась в сфере уголовного права, потому что самое главное — это форма наказания, в первую очередь крупный, подчас разоряющий штраф. А будет ли он применяться в сфере уголовной или административной ответственности, это имеет меньшее значение. Сегодня Общая часть Уголовного кодекса практикует в высшей степени мягкий и гуманный подход к снятию судимости. То есть даже если физическое лицо было осуждено за некий экономический деликт как за уголовное преступление, оно в кратчайшие сроки получит чистую биографию.

Но если специалисты посчитают, что какая-то часть деликтов должна перейти в разряд административных правонарушений, я и в этом не вижу ничего плохого — главное, чтобы наказание наступало. Поскольку это наказание финансовое, оно может в равной степени успешно применяться и в сфере уголовного, и в сфере административного права.

— Александр Владимирович, насколько Ассоциация юристов в России на сегодняшний день эффективна, по Вашему мнению?

— С учетом того, что в ее руководстве — выдающиеся люди, на мой взгляд, организация взяла хороший старт. Другое дело, что для того, чтобы выйти на определенные стандарты, она должна набрать достаточно участников, причем по возможности скорее. Я не к тому, чтобы Ассоциация просила: «Пожалуйста, вступите в наши ряды». Нет, надо заинтересовать российских юристов так, чтобы они стояли в очередь на вступление в ряды АЮР; чтобы, с одной стороны, требования к вступающим были достаточно высокими, а с другой — чтобы им нужно было соответствовать постоянно.

Затем нужно сделать так, чтобы членство в Ассоциации предоставляло ее членам определенные бонусы. Я не говорю о возможности некоего клубного общения и получения эксклюзивной информации, которая недоступна в других институтах, — это само по себе

важно. Важней, мне кажется, внутрикорпоративная поддержка, консультирование и содействие в выдвижении новых специалистов в первые ряды.

Чего нам не хватает сегодня в сферах частного юридического бизнеса — адвокатуре, нотариате, бизнес-консалтинге? Нет того чувства ответственности за профессию в целом, которое очень высоко характерно именно для иностранных юристов.

Классический пример — это *American Bar Association* и Корпорация барристеров Великобритании. Там реноме всей корпорации напрямую связано с реноме отдельных ее представителей. У нас пока что все наоборот: если человек успешен, ему наплевать на остальных, если малоуспешен, то он опять-таки не заботится ни о своей репутации, ни о репутации своей корпорации, он будет биться за жизнь, как лягушка

в стакане молока, будет взбивать лапками окружающую среду, чтобы выбраться повыше.

Если в иностранной корпорации адвокатов заведется слабое звено — человек, который своими действиями или квалификацией позорит корпорацию, они первыми предпримут все необходимые усилия для того, чтобы избавиться от него, не дожидаясь указаний, представлений прокурора, жалоб обманутых людей или каких-то окриков от курирующего министерства. Там их и курировать-то не нужно, министерства юстиции в большинстве стран со старой демократией не имеют отношения к деятельности корпораций, которые сами себя регулируют, и неплохо.

Вот я думаю, что прообразом такого саморегулирования должна стать у нас в России Ассоциация юристов. Я думаю, что у нее есть для этого все возможности.